

Евгений Маляр

# Матабели в Одессе

Детективная повесть начала XX века



16+

Евгений Маляр  
**Матабели в Одессе**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

## **Маляр Е. А.**

Матабели в Одессе / Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Продолжение серии «Детективные повести начала XX века». Следователя Ордынцева посылают в Одессу на помощь городской полиции. В южном городе происходит серия ужасающих по жестокости убийств. Вместе с коллегами-одесситами чиновник работает над разгадкой ужасной тайны. Одновременно развивается сюжетная линия героини предыдущей повести, ставшей заметной фигурой преступного мира и тайно влюбленной в Ордынцева. В конце повести, когда дело успешно раскрыто, их пути пересекаются. Кто такие матабели, и что они делают в Одессе, читатель узнает в самом начале книги. Следующая повесть – о расследовании убийства в разгар Гражданской войны.

**Евгений Маляр**

**МАТАБЕЛИ В ОДЕССЕ**

*Детективная история начала XX века*

**Список действующих лиц:**

Ордынцев Николай Арефьевич – коллежский асессор, человек уже не юный, по-прежнему в чинах небольших. Знаком читателю по предыдущей повести.

Дионисий Иванович Ждан-Пушкин, коллежский советник – полицмейстер, начальник Ордынцева;

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная – беглая дочь купца, по-прежнему очень красива;

Роза Ордынцева, в девичестве Штрамбуль, жена Ордынцева;

Василий Буров – старший следователь уголовной полиции города Одессы;

Владимир Стоев – сотрудник уголовной полиции города Одессы, болгарин по национальности;

Генрих Баум – сотрудник уголовной полиции города Одессы, просто немец;

Сколупидис – одесский коммерсант;

Савелий Богуславский – жертва преступников. Сорок один год, счетовод конторы «Зильберт и компания, перевозка зерна»;

Софа Богуславская – его жена;

Папа – один из главарей ростовского преступного мира. Как звали его на самом деле, никто уже не вспомнит;

Сеня Башмачник – ростовский уголовник;

Товарищ Иванов – видный деятель социал-демократического движения, подпольщик;

Никифор Вятский – лидер одесского социал-демократического подполья;

Михельсон – студент-подпольщик;

Штерн, Хоменко, Мисливченко – гимназисты седьмого года обучения;

Юрий Петрович Мартынов – директор гимназии, что в Одессе на улице Надеждинской;

Кирилл Петрович Лурье – бухгалтер полицейского управления, человек природы героической, хотя по виду и не скажешь;

Жандармы одесской полиции;

Прочие жители Одессы, Ростова и Волгска по состоянию на 1910 год.

Пояснение по поводу названия повести: матабель – представитель древнего африканского племени, в котором культивировалась крайняя жестокость и презрение к человеческой жизни. Конечно же, повесть не об африканцах.

I

*2 октября 1910 года. Одесса, Ланжероновская дача*

В записке было сказано: «Жду возле Ланжероновской дачи в три пополудни завтра. Будьте одна, без оружия, и смотрите, не приведите за собой ненужных провожатых, иначе не гарантирую Вашей безопасности». Подписи не было, и так ясно, от кого принес этот клочок бумаги мальчишка лет девяти-десяти, этакий одесский Гаврош, оборванец в кепке набекрень и залатанных штанах. Кривовато улыбнувшись, он обнаружил изрядную недостачу зубов, молочных еще, и сунув в руку Анастасии свернутый в кубик пакетик, быстро убежал.

И вот, за сорок пять минут до назначенного часа, молодая женщина села в желто-красный трамвай на Греческой площади. В вагоне было малоллюдно по случаю ненастной осенней погоды и рабочего часа, а к тому времени, когда он достиг, миновав Канатную и Сабанский переулоч, своей конечной станции в Александровском парке, вовсе оставался всего один пассажир – Настя.

Выйдя из трамвая, она неспешно побрела по парковой аллее, по шелестящим под ногами багряным листьям, слушая приглушенный шум порта, прибой и сдавленные гудки Воронцовского маяка. Справа высилась Александровская колонна и женщина невольно улыбунулась.

Многое из окружающей жизни вызывало у нее усмешку, о причине которой не все догадывались. Вот и арка дачи Ланжерона развеселила ее упитанностью амурчиков, парящих над входом. Настя пришла вовремя, даже на несколько минут ранее назначенного часа она еще вечером сверила наручные золотые часики с думскими. Из боковой аллеи показался мужчина лет сорока в клетчатом, застегнутом наглухо пальто и английском кепи, Настя не сразу заметила его: «джентльмен» шагал почти бесшумно.

– Товарищ Нарыжная? – спросил он

– Да, это я. Здравствуйте, товарищ Никифор, – ответила Анастасия, она привыкла за семь лет к этой фамилии.

– Пройдемся, – предложил мужчина тоном, не допускающим возражений, – нам есть, о чем поговорить.

– Итак, давайте сразу о делах, – через минуту предложил Настин спутник.

## II

*5 октября 1910 года. Новости из провинции. Город Волгск*

«В Саратовской губернии, в уездном городе Волгске раскрыто два загадочных преступления, связь между которыми была крайне неочевидна. Дочь купца второй гильдии Т. совершила умышленный поджог питейного заведения, побуждаемая к сему действию чувством оскорбленной чести. Некий приказчик М. воспользовался ее крайне затруднительными обстоятельствами, связанными со случайной гибелью ее любовника Ф., и принудил к связи, о чем рассказывал своим собутыльникам в вышеуказанном заведении. Дела о пропаже Ф. и пожаре приняты были в следственное делопроизводство как отдельные, не имеющие связи между собой преступления, но молодому следователю Ордынцеву Н.А. удалось выявить таковую в их временном совпадении и некоторых малозначительных, на первый взгляд, обстоятельствах. С помощью логических построений и новейших достижений криминалистической науки Ордынцев сумел раскрыть преступления и выявить их истинных виновников. Поболее бы нам таких одаренных молодых сотрудников, и преступность в нашем отечестве стала бы стремительно отмирать, уступая место человечности и доброте!»

Газета «Полицейские ведомости», Санкт-Петербург, 16 августа 1903 года»

– Николай Арефьевич, Вас вызывает Дионисий Иванович! – раздался в коридоре голос коллежского регистратора, секретаря Мордвинова.

Дверь в кабинет Ордынцева была приоткрыта для лучшей вентиляции, Николай считал свежий воздух одним из главнейших условий доброго здоровья. Да и информация так доходила быстрее.

Служба после повышения в чине текла складно и спокойно, больших хлопот не доставляла. В городе почти ничего не происходило. Вернее, происходило, но это как-то не касалось Ордынцева.

Ну, начались какие-то волнения среди рабочих на всех трех цементных заводах, практически одновременно, так тут загадочного ничего не было: в городе вдруг появились какие-то незнакомцы, и связь между их появлением и последовавшими стачками была столь очевидна, что и анализа никакого не требовалось.

Установили негласное наблюдение за всеми четверьмя. Ну и что же? Они в открытую издевались над своими соглядатаями, провинциальными молодыми сыщиками.

Впрочем, московские или питерские сыскари тоже ничего им сделать не могли бы: никаких законов они не нарушали, а собираться и разговаривать никому не воспрещается. Ордынцев тоже выполнял это нелегкое задание, участвовал в слежках и наблюдениях, но его тяготила эта нудная работа.

В конечном счете, лишь через полгода одного из агитаторов удалось поймать на вполне уголовном занятии, – он подрался с мастером цеха, уличившем его во лжи. В пивной состоялся диспут, в результате которого телесные повреждения легкой степени получил собственно революционно настроенный приезжий, а патриот-мастер вызвал полицию.

При задержании возник повод обыскать молодчика. В его кармане оказался револьвер, дешевенький, но заряженный, вот его под микитки и взяли, а коль скоро с остальными агитаторами его связь была установлена во время слежки, то и их прихватили.

У одного – «бристоль-бульдог», у другого – динамитная шашка, у третьего – листовки с призывами к свержению царизма. В общем – полный букет, икебана, как стали говорить после японской.

Волнения сразу прекратились, да и успех-то заезжие агитаторы имели только у сезонных рабочих, живших по три месяца в году в «казармах» при заводах. Там и в самом деле бытовые условия были не очень, но это были работники временные, их нанимали в разгар строительства, когда цемента продавали больше, чем в среднем за год.

Мужики и молодые ребята из деревенской бедноты, попадая в город, пусть и небольшой, и получая жалование, пусть и тоже небольшое, испытывали некое смятение духа, которым и пользовались чужаки, подбивая их на безобразия, и обещая большие недостатки, причем сразу, если они побунтуют. А рабочие квалификацией повыше возражали агитаторам, иногда очень активно, как упомянутый мастер цеха.

В общем, прошли эти события, и снова – тишина. То козу у кого увели, а то в кабаке кто подрался.

Не спеша, Николай встал из-за стола и пошел к начальству на прием.

– Дионисий Иванович, здравия желаю! – поприветствовал он шефа.

– Здравствуй, Коляша, а у меня для тебя новость какая! – коллежский советник улыбнулся и даже несколько заговорщицки подмигнул. У них вообще после случая с пожаром в питейном заведении установились отношения почти приятельские.

Впрочем, Ордынцев не злоупотреблял таковой протекцией. А как злоупотребить-то ею? Да, небольшой все же грешок был за Колей, любил он по утрам поспать подольше, из-за этого и опаздывал на службу, а г-н Ждан-Пушкин на это глядел сквозь пальцы, ну и все. Больше льгот не было.

– Так вот, читай, – Дионисий Иванович дал Ордынцеву распечатанный телеграфный бланк. Николай прочел:

ТЕЛЕГРАММА

КОЛЛЕЖСКОМУ = СОВЕТНИКУ = ЖДАН=ПУШКИНУ = ГОРОД = ВОЛГСК = САРАТОВСКОЙ = ГУБЕРНИИ

ДЛЯ = ПОМОЩИ = РАССЛЕДОВАНИИ = ОСОБО = СЛОЖНОГО = ДЕЛА = СЕРИЙНОГО = УБИЙСТВА = ПРОСИМ = КОМАНДИРОВАТЬ = КОЛЛЕЖСКОГО = АСЕССОРА = ОРДЫНЦЕВА = НЕ = ОТКАЖИТЕ = НАСЛЫШАНЫ = УСПЕХАХ = НУЖЕН = СВЕЖИЙ =

ВЗГЛЯД = НАЧАЛЬНИК = СЛЕДСТВЕННОГО = ОТДЕЛА = ПОЛИЦЕЙСКОГО = УПРАВЛЕНИЯ = ОДЕССЫ = ГЕЙН

– Ну-у-у, Дионисий Иванович! – протяжно загудел Николай, – где уж мне одесситам помогать! У них, небось, в день происходит поболее, чем у нас за пять лет! Засмеют ведь!

– А ты Коля не бойся ничего, я уж думал об этом. Ты съезди да погляди что там и как, – опыта наберешься. Поможешь им чем, так почет тебе, а не выйдет, так и спросу особого с тебя не будет, – чай, из провинции приехал. Вот ежели бы кто из столиц к нам пожаловал учить да помогать, а у него ни шиша бы не вышло, вот тогда бы мы посмеялись...

Ждан–Пушкин тут же расхохотался, представив себе такую ситуацию,

– Гейн же прочитал о нашем деле с «Венецией» в «Полицейских ведомостях», там очень тебя нахваливали!

(У Коли этот номер петербургской газеты лежал в заветном альбоме, так что рассказывать ему было не нужно...),

– Так что давай, пакуй кофр, да и поезжай. Дорогу они оплатят, гостиницу тоже, командировочные неплохие – шесть с полтиной в день, и это при сохранении оклада. Эх, я бы сам поехал, так не зовут, – и полицмейстер снова раскатисто рассмеялся.

Домой Коля пришел взволнованный.

– В твои края посылают, Розочка! – с порога прокричал он.

– Да? Это куда же? В Бердичев? – проявила любопытство Роза.

– Да нет, в Одессу! Там у них непонятно что происходит, людей убивают почем зря, и без меня не могут разобраться, – слегка прихвостнул счастливый супруг.

– Ну-ну, с тобой они таки точно всех бандюг переловят! Как же без тебя? – скептически процедила мадам Ордынцева, в девичестве Штрамбуль.

Она вообще особым оптимизмом последнее время не отличалась. Все свое время, и все силы отдавая сыну, она считала, что Коля, как отец, недостаточно участвует в воспитательном процессе. А когда все же занимается с ним чем-то, то не так, внушая ему всякие реакционные мысли и религиозные идеи, водит для чего-то в церковь, учит не гневаться и тому подобным глупостям.

Разоблачая противоречия между идеями, пропагандируемыми мужем и его поведением (иногда), она как-то выпускала из виду собственные нестыковки в мировоззрении, впрочем, такое свойственно не только нашей героине, а многим, если не всем прочим людям.

Да, Коля был не ангел. Кроме уже упомянутого стремления поспать подольше были и другие грехи у него: засматривался на красавиц, покушать вкусно любил, но отдадим ему должное, для семьи старался.

Занятие Ордынцева казалось Розе не то что полезным, а вообще вредным. Сколько Коля не доказывал, что без полиции никак нельзя, даже если и станут все люди братьями, и всех тиранов свергнут, все впустую было. К тому же Роза стала настолько фанатичной матерью, что практически потеряла интерес ко всему остальному.

Да может, это и к лучшему, – думал муж иногда, – хоть революцией не бредит.

Расстраивало Колю главным образом почти полное отсутствие интимной стороны их супружества. Он даже советовался с отцом Павлом, своим духовником, и получил очень мудрый, хоть и предсказуемый совет: быть добрее с домочадцами, не скрывать своей любви к ним, поболее молиться, и рано или поздно таковое смирение непременно принесет свои плоды.

Коля подумал, перекрестившись, что все-таки лучше бы пораньше, чем попозже. Жили супруги в хорошей съемной квартире, жалованье в сто тридцать рублей позволяло, подумывали уже и об ипотечной покупке дома, вот в этом было полное единодушие, – Роза вообще была на редкость практичной, хозяйничать умела очень экономно.

Что касается сына Ивана, а ему было уже шесть, то Николай все больше к нему привязывался.

Сразу после родов, и первые пару лет, к своему удивлению, Ордынцев не чувствовал никаких отцовских чувств, кроме ответственности, что скрыть было невозможно, и что, в сущности, пробило первую трещинку в отношениях с Розой. Она сразу стала очень заботливой матерью, и часто попрекала Колю, что он не разделяет ее восторгов, на что тот парировал, что она была с их чадом одним организмом целых девять месяцев, чего он, понятное дело, был лишен, и вообще, мужчины по другому относятся к детям, чем женщины.

В ответ на него обрушивался целый ворох примеров именно такого отношения к потомству, о каком она, Роза, мечтала. И у той ее подруги муж заботлив как пингвин, и у этой, а ты, дескать, дундук дундуком. Ну что же, как там у Старицкого, – «один такой, другой такой», – парировал в свою очередь Коля. Вот так они и спорили.

### III

*8 октября 1910 года. Волгск – Одесса*

В этих невеселых думах проделал Ордынцев весь путь от Волгска до Саратова на пароходе «Княгиня Ольга», гуляя по палубам и коридорам, проходя мимо железной двери за которой шлепало колесо по речной воде, и вдыхая вкусный запах, доносящийся из камбуза, – то ли макарон по-флотски, то ли еще чего-то, чем потчевали пассажиров третьего и четвертого класса, следовавших вниз по Волге.

Сам Николай не отведал этих блюд, он плыл на пароходе лишь шесть часов, затем гулял по Саратову до вечера. Московский скорый отходил в полвосьмого. Прибыв в Белокаменную утром, также прошелся по «дистанциям огромного размера», по Тверской, по Пятницкой, и вечером сел в одесский литерный, заняв место в четырехместном купе второго класса – ему по чину не полагалось большего комфорта.

Зато соседи ему понравились – это была тихая и доброжелательная еврейская семья, родители, им было за сорок, и их дочка лет пятнадцати, очень милая, как отметил Коля.

Отец назвался Яковом, представил свою семью, сказал, что он – портной, и между делом предложил свои услуги в пошиве костюма. Кроме того, Яков похвалил одежду Николая, хотя тот был в обычном партикулярном платье.

Речь его своим звучанием напомнила беседы с Розой периода предсвадебных Колиных ухаживаний, и с легкой грустью Ордынцев открыл бутылочку шустовского, подаренного коллегами в дорогу. Яков сперва отказывался, но, после некоторых уговоров, и узнав, что супругу его попутчика зовут Розой, все же пригубил. После третьей он кратко поинтересовался:

– Аид?

– Нет, – Коля знал от жены некоторые слова на идише, поэтому смысл вопроса понял, несмотря на его лаконичность, – а что, похож? – поинтересовался в ответ он.

– Не, но все же... У Вас такое интеллигентное лицо, – нашелся портной, не утративший, однако, несмотря на отрицательный ответ, своей доброжелательности.

Завязался разговор, и тут Коля узнал, почему его позвали в Одессу. Оказалось, что в городе действует банда грабителей, по ночам убивая мирных жителей, причем таковых (убиенных) уже насчитывается более сорока. Не выдавая своей заинтересованности, чиновник внимательно слушал, заранее предвкушая все трудности и ощущая полную беспомощность перед грядущими обстоятельствами.

Так, в расстроенных чувствах, он и залег на свою верхнюю полку, на которой и проспал почти полпути. За утренним чаем, уже в Раздельной, Коля отметил разницу в ландшафтах: кругом были степи и поля, ни тебе гор, ни лесов.

#### IV

*10 октября 1910 года. Суть дела*

И вот он, одесский вокзал. Благодаря телеграмме, данной Ордынцевым из Москвы, встречавшие (если таковые предполагались) должны были знать, в каком вагоне он едет. Так и вышло: на перроне стоял офицер полиции, поручик, в щеголеватом мундире под распахнутой светло-серой шинелью, в сапогах со шпорами и с лихо закрученными усами.

– Буров! – протянул он руку Николаю, представляясь.

– Ордынцев – постарался так же браво ответить Коля.

– Слышишь, Фира, этот молодой человек ехал-таки к нам не просто так. И встречает его не абы кто. Ты поняла? А я сразу увидел, что он не простой какой-то шлёма. Это ж боже-ж мой кто! Он таки наведет у нас порядки, что б ты знала! Это я тебе говорю!.. – далее Николай не слышал, вокзальная суতোлка загнушила восторженные возгласы портного.

Буров провел Колю вдоль перрона к выходу. Перед ними открылся вид на Свято-Пантелеймоновский монастырь и улицу Ришельевскую.

– Так, господин Ордынцев, сейчас в гостиницу. Мы для Вас сняли номер в Пассаже, новейший отель, не хуже, чем в Париже, Лондоне, да еще хоть где! От управы нашей четверть часу ходу. Потом – завтрак. Это все мне поручено. А как Вас зовут так, по-простому? Меня – Василий.

– А меня – Николай – не стал задаваться Ордынцев.

– Вот и славно. Я сразу понял – наш человек! Вот за завтраком и введу в курс дела.

Гостиница оказалась и вправду выше всех похвал. Быстро оставив чемодан в номере, и новые знакомцы вышли на Преображенскую.

Слева открывалась великолепная картина – Свято – Преображенский собор, красивый фонтан, а правее – памятник его сиятельству – графу Воронцову. Да что там говорить, после жизни в провинциальном городке тут все казалось какой-то европейской заграницей. Высокие чугунные столбы с круглыми тумбами в основании были увенчаны электрическими светильниками с матовым стеклом, от них веяло каким-то футуризмом. По рельсам громыхали вагоны конки, но кое-где, Коля еще не запомнил названий улиц, уже были натянуты провода трамвая.

– Про кафе «Фанкони» слышали у себя в Саратове? – поинтересовался Буров.

– Да я даже не из Саратова, Саратов – губернский город, а я из уездного, Волгска, ушел от ответа Николай. Он ничего не знал о «Фанкони», да сказать было стыдно. Розе, когда она здесь жила, видать, не по карману было ходить по таким кафе, – подумал Коля – вот она и не рассказывала ничего про такие знаменитые места, – и предложил: «давайте, может, куда попроще?»

– Ну, попроще, так попроще. Тут есть неплохое греческое заведение, отличные блюда, да и винцо выше всех похвал. . .

– Для винца рановато ведь, – Коля привык если и выпивать, то вечером.

– Понял, ну уж после службы не откажите нам с коллегами проявить одесское гостеприимство. Коль приехали, голодным и трезвым не отпустим! – рассмеялся Василий.

– После службы – с превеликим!

На улице Греческой, спустившись по гранитным ступенькам, зашли в закусочную. Заказали салат с брынзой и помидорами, оливки и две чашки крепкого кофе.

– Вася, я сгораю от нетерпения, мне в поезде уши прожужжали теми страхами, что тут происходят! Сорок человек убито! Банда грабителей! – сразу начал проявлять нетерпение Николай.

– Коля, ты не пугайся так уж чересчур: во-первых, не сорок, а шесть, хотя тоже немало, а во-вторых, вот банда ли это? Слушай сюда внимательно. Для серьезной банды улов какой-то смешной. Убитые – люди достатка весьма скромного, убогие даже.

Дело обстоит так: сумерки, часов девять. Фонари еще не зажгли, а солнце уже зашло. Идет домой со службы дядечка такой, и не доходит. А вечером или утром уже дворник находит в каком-то закутке его труп, и видно, что били дядечку так, что ошметки мяса висят с головы, и взяли-то мелочевку: кольцо обручальное, часики дешевые, из кармана выгребли серебра чуток, да рублевку-другую... И так все шестеро.

Чтобы серьезный бандит на мокрое пошел из-за такого халоймеса, как у нас говорят, так это просто нонсенс. Может маньяк? В общем, давай так, сейчас к нам в управление, на Преображенскую, там возьмешь две папки с делом, прочтешь, а потом поговорим. Ты там у себя в Волгске лихо все раскрутил, мне понравилось, я читал. Мы тут тоже не пальцем деланные, но вдруг ты что-то свежим взглядом разглядишь?

На Преображенской в высоком, четырехэтажном здании управления царила деловая суматоха. По коридорам бегали чиновники с папками и стопками документов в руках, кого-то вели на допросы, через открытые двери кабинетов Коля видел людей, составляющих прошения, заполняющих формуляры, разговаривающих и молчащих. Как все непохоже на мирную и спокойную обстановку в Волгской полицейской управе, где слышно, как мухи жужжат! На третьем этаже, в небольшом кабинете Бурова был заботливо поставлен еще один стол и стул.

– Ничего, в тесноте, да не в обиде! – ободрил Николая Вася, – Сейчас я чайку организую!

Но с чаем вышло не сразу.

– К вам господин Сколопидис, – доложил дежурный жандарм.

– Приси! – скомандовал Буров.

В кабинет стремительно вошел чернявый полноватый господин в костюме-тройке песочного цвета, шляпе-канотье, с усиками и в пенсне.

– Здравствуй! Эти заразы опять ко мне заходили! – с порога выпалил он.

– И що, таки опять снова? – деловито поинтересовался Василий.

– Да! И опять, и снова! Я им говорю – я закон не нарушаю, що вы хотите? Вы поняли? А они – а у нас свои законы! Плати, или будешь плакать очень-очень! И дети, и жена тоже очень могут плакать! Вы поняли? А где я им денег возьму? Я що, их рисую? А если еще придут другие? И другие? Вы поняли? А им неинтересно слушать! Они даже не смотрят на мене! Повернулись и пошли! Только бананчиком мене перед носом покрутили!

– Так, когда обещались прийти?

– Дали мене три дня на подумать!

– Ну, делайте вид, что усиленно думаете, даже можете палец ко лбу временами приставлять. За вами никто не цинковал, когда вы к нам ишли?

– Не, що я, дурной? Я шел по Соборке, и прямо из толпы нырнул себе по Спиридоновской, через Новосельскую, Тираспольскую, и сразу к Вам!

– Так, с послезавтра у Вас в лавке будет новый приказчик, а в кладовке – еще парочка наших сотрудников. Как войдут, их туда и ведите, вроде за деньгами, «приказчик» не даст им выйти. Им так засунут голову в ж.., что они расскажут от кого они, хотя я и так знаю, кто их послал. Чтобы у Вас все беды были такие!

– Я даже не знаю, как Вас благодарить, Василий Николаевич, даже и не знаю... Вы мене поняли?

– Ой, все Вы знаете, только не летаете! Ну ладно, у Вас усе?

– Не смею отвлекать от важных государственных дел, – Сколопидис покосился на Ордынцева, – Адье!

И посетитель, торопливо пожав Васе руку, столь же стремительно вышел.

– Не, ты видел? И этот хитрожелтый грека опять выкрутится! Он, конечно, законы соблюдает. И налоги платит. Но не все. Контрабандой приторговывает, подловить можно было бы на раз, да сейчас не до него. А этих маровихеров мы, благодаря нему, возьмем, и не только их.

– А что он там намекал на благодарность? – полюбопытствовал Николай.

– А! – неопределенно отмахнулся Вася, – вообще-то лучше от них ничего не брать, дадут на рубль, потом всем растреляют, что вот, Буров берет, и не отмоешься вовек. Так, садись, читай, вот тебе первая папка, а вот вторая. А чай я все-таки попрошу, чтоб сделали.

– А что за бананчик, и зачем им крутят? – поинтересовался Коля.

– А, так это револьвер так называют. Ты спрашивай, если что, у нас иногда непонятно для приезжих говорят. Народов тут намешано, – не сосчитать, чистый Вавилон! Русские, украинцы, греки, евреи, албанцы, их у нас арнаутами называют, болгары, немцы, поляки, греки, итальянцы, французы, испанцы, татары, караимы и еще Бог ведает кто. И все внесли свою лепту в наш говор, в одесский язык. А еще особый, преступный жаргон, которым мы, сыскари, тоже владеть должны, иначе многого не поймем.

Николай подумал, что на Волге тоже Вавилон – русские, украинцы, немцы, татары, мордва, чувашаи, а сейчас еще и швейцарцы, и англичане, а вот языка своего пока вроде не придумали.

Чаю опять не удалось попить. Дверь тихо приоткрылась, и в кабинет вошла, не здороваясь, брюнетка лет сорока, очень красивая, одетая по последней парижской моде. Вася стремительно пододвинул стул поближе к своему столу, поклонился, приглашая сесть. Разговора Николай не слышал, только отдельные слова и фразы, но смысл понял. В город прибыл дня три-четыре назад один из руководителей социал-демократической партии, подпольщик со стажем. Известно, где остановился, также установлены некоторые лица, с которыми он имел встречи.

Беседа завершилась, Василий подошел к сейфу, достал бланк, несколько ассигнаций, которые отдал гостю, предложив ей расписаться, запер бумагу в сейф и распрощался столь же церемонно, как и встретил.

– И что, таки чаю не попьем? – спросил Вася.

– Да пес с ним, чаем, не беспокойся, – Николай уже углубился в чтение.

Фотографии с мест преступления тоже прилагались. Они были прекрасного качества, и при этом – ужасны. Мы не будем их подробно описывать, вы уж, дорогой читатель, поверьте на слово, – более жестокою расправу, чем та, которой подверглись несчастные жертвы, и представить себе тяжело.

Проанализировав описания смертоубийств, Коля почувствовал меж ними общность – все шесть эпизодов объединены в одно дело не случайно. Подойдя к подробной карте Одессы, висящей на стене, он увидел пометки, сделанные красным карандашом. Поверх адресов, известных ему по прочитанным протоколам, почерком Булова проставлены даты убийств и фамилии жертв.

Преступления совершались в одном районе, – судя по масштабу карты, ходу от одного до другого было не более двадцати минут. И все они – в центре города. Два – ближе к Пересыпскому мосту, на Софиевской и Торговой, еще одно – за ним, на Церковной. Потом – четвертое – на Конной, дом 9, и пятое, на Приморской, дом 29. И еще одно, самое первое – на Гаванной, в третьем номере.

Но не только адреса объединяли преступления. Время. Судя по трупному окоченению убитого, обнаруженного утром, и по температуре жертв, найденных еще вечером, убиты они были в сумерках, не ночью, но и не в светлое время.

Буров пояснил, что в начале одиннадцатого в Одессе принято запирали дворные ворота на ключ, а подгулявшие жильцы должны звонить дворникам и благодарить их за беспокойство, обычно монетою в гривенник. В том, единственном случае, когда жертву обнаружили утром, дворник был в глубоком запое, и охваченный таковой страстью даже пренебрег дополнительным заработком, оставив ворота открытыми на всю ночь.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.